

ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА (ПЕРЕЧИТЫВАЯ М. ХАЙДЕГГЕРА)

Минеева А.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Автор, ответственный за переписку:

Минеева Алина Андреевна, студентка 4-го курса лечебного факультета ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России. 644099, г. Омск, ул. Ленина 12, alminal4466@gmail.com

Произведение искусства способно трогать нас и, вместе с тем, осуществлять сотрясение и крушение привычного мироощущения и все потому, что в нем сокрыта истина. Вовлекаясь в мир, создаваемый художественным творением, мы уже не можем вернуться к себе прежнему и должны предпринять все усилия для обретения себя другого.

Ключевые слова: произведение искусства, истина, автор, человек, бытие, М. Хайдеггер.

Что делает произведение искусства – произведением искусства? И что нам, зрителям, до него? В.В. Бибихин писал о доверительной интимности произведения искусства, какую оно способно трогать нас и, вместе с тем, каким-то загадочным образом осуществлять сотрясение и крушение привычного. «Оно не только открывает, среди радостного и грозного ужаса старую истину это ты, — оно еще и говорит нам: Ты должен изменить свою жизнь!» [1, с. 170]. Что такого есть в произведении искусства, что, вовлекаясь в мир, создаваемый художественным творением, мы уже не можем вернуться к себе прежнему и должны предпринять все усилия для обретения себя другого? Или, для начала, в чем сущность произведения искусства?

Попробуем ответить на поставленные вопросы, обращаясь к одной из центральных работ Мартина Хайдеггера «Исток художественного творения». В ней мы, с неизбежностью, обнаружим ряд суждений, внимательное прочтение которых способно проложить путь к занимающим нас вопросам. Произведение искусства, по мысли

философа, в отличие от любого сущего, является не просто носителем бытия. Но, как раз особое отношение к бытию является определяющим в самом творении. А потому оно способно проявить и проявляет бытие, разверзает мир, делая возможной попытку уловить отголоски бытия человеком. При этом художественное творение и хранит бытие. Гадамер так поясняет мысль Хайдеггера о том, что в художественном творении совершается одновременно и распаивание (как раскрытие мира), и замыкание (как сокрытие – в этом случае Хайдеггер использует противоположное «миру» понятие – понятие «земли»). Мир открывает, земля скрывает): «... в художественном творении, в котором «восходит» мир, не только совершается и становится доступен опыту мир (распаивание), не только совершается и становится доступен опыту не познанный прежде смысл (замыкание), но вступает в бытие, вместе с появлением произведения искусства, нечто новое» [2, с. 111]. Иначе, теперь вслед за Хайдеггером повторим, что истинное хранение произведения (то, что оно хранит), как веденье (то, что знает) есть

свершающаяся в произведении истина. Полагание истины внутрь произведения искусства происходит в результате творения [3, с. 70]. Творением сущность внедряется в камень, превращаясь в древнегреческий храм, суть которого воплощение связи с богами. Сущность не создается, не воспроизводится, как может показаться на первый взгляд, она приводится вовнутрь и удерживается в творении и вместе с этим в произведение «врастает» истина. Автор произведения является неким проводником истины, тем, кто приоткрывает закрытое, просветляет то, что покоится в себе самом. Так сущее обретает свой наличный облик и становится доступным для познания при внимательном рассмотрении. Не автор исток творения, он тот, кому приоткрылось бытие, и это озарение автор смог поместить внутрь творения. Художника узнают по его работе, то есть творение определяет суть автора, оно позволяет ему быть. В то же время, автор стремится освободить свое произведение от связи с ним, как с чем-то внешним, и оставить творение покоиться в «чистом самостоянии». Созидание сопровождается «смертью автора» (Р. Барт, М. Хайдеггер), делая творение независимым, предоставленным самому себе. Художник «погибает» в творении, но благодаря этому сохраняет себя, свою сущность. Автор может существовать до творения, но даже тогда это скорее не существование, а умирание, то есть созидание – это процесс постепенного отказа от авторства, от своего бытия как художника определенного произведения. Тогда и попытка объяснения произведений искусства посредством биографии автора является ненужной, ни к чему не приводящей. Жизнь автора, вероятно, влияет на то, каким образом художник смог «услышать» бытие и как услышанное он смог передать творению, но этот контекст имеет значение только для фигуры автора. Эпоха, особенности автора, условия его жизни учитываются, когда

мы обращаем внимание на самого автора, на его биографию, но не на творение, объяснение которого заключено в нем самом и только. Завершенное творение, разрывая связи со всем иным, что не есть оно само, обретает самодостаточность, внеконтекстность, когда условия его создания становятся неважными. Автор не затмевает произведение искусства, не затмевает истину, «выгляды» бытия, которые постоянно ускользают от человека. Конечно, от любых внешних связей творение угасает и человеку становится сложнее попасть в это озаряемое светом пространство истины, которое ею и порождается. Вероятно, это обусловлено опредмечиванием произведений искусства – храм становится достопримечательностью, и тогда на первое место выходит его принадлежность городу, а не истине. Картины продаются, со статуи стирают пыль, как с домашнего комода, и творению от этого не спрятаться, так как ему необходимо пребывать здесь. Несмотря на свою самодостаточность, оно тяготеет к миру вне его, оно блестит, а значит, суть его если и не открывается полностью, то хотя бы «выглядывает». Когда творение затмевается чем-то внешним, когда появляется кажущееся чувство, что творение принадлежит чему-то или кому-то, тогда оно «уходит» в себя. Уходит вместе с ним и разворачиваемый творением мир. Творение в каком-то смысле теряет себя, от внешних воздействий оно как будто тускнеет, погружается в тень, и голоса мира и земли становятся тише. Но сущее, внимающее «зову бытия» способно уловить шепот мира и земли, их спор. Конечно, мы понимаем, что здесь речь идет о человеке, способном к восприятию произведения искусства. По слову Бибикина, мы открыты истине, мы способны ее принять, в этом и состоит наше понимание. В открытости миру, истине человек находит себя и себя, как другого, прежде неявного, но

обнаруженного благодаря встрече с произведением искусства.

Мы тянемся к истине, а как следствие, к искусству, при встрече с которым все бывалое становится несущественным, рушится, и человек предстает перед собой тем, кто он есть («это ты»). На этом путь к себе не заканчивается, и вряд ли вообще он может когда-либо завершиться – человек не знает, не понимает себя, он – тайна. От этого мы отдаем самих себя со всей нашей бездонностью – пониманию и от этого не утихает в нас голос, твердящий о необходимости нашего изменения. Что это за голос? Этот голос подобен оракулу, который твердит, что ты не можешь больше оставаться тем, кем был. Он слышим, когда мы вступили в пространство творения, когда на нас пал его свет – это «говорит» бытие, истина, говорит с «доверительной интимностью». Внимая бытию, человек расстается с собой и узнает себя иного. Голос не принадлежит человеку, но мы слышим его как свой, в творении мы узнаем себя. «Узнай себя! Не думай, что то, что тебе будет показано, тебя не касается; самое, казалось бы, на тебя непохожее – это ты и есть» [1, с. 171]. Почему? Когда человек внемлет творению, человеческое бытие вглядывается в бытие вообще. Он чувствует свою причастность к бытию, что позволяет существу быть сущим и

вообще быть, что удерживает собой фундаментальное единство мира и человека. Потрясение от столкновения с такой огромностью разрывает связь человека с привычным, а ощущение собственной вовлеченности в эту необъятность окончательно разрушает все, что прежде казалось надежным. Возможность нахождения человека в пространстве творения укрывается в нем самом, при этом покой произведения не нарушается нашим вовлечением в его мир. Это пребывание в мире произведения, которое происходит при его созерцании, не ограничивается простым переживанием, охранение заключается не в этом. Не в том, чтобы разъединить людей в их субъективном восприятии и ограничить их определенным кругом переживаний или вкусом, свойственных отдельному человеку. Привычное восприятие и разборчивый вкус отдаляют нас от истины. Творение объединяет людей общей принадлежностью к истине, которая заключена в произведении искусства. Настойчивое стремление, а затем пребывание внутри этой громадности и есть охранение. В своем обращении к искусству, которое не кажется жизненно необходимым, человек пытается сохранить себя в своей подлинности, а значит пребывать в постоянном свершении себя как человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бибахин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007. – 389 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: «Искусство», 1991. – 367 с.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. – 464 с.